

Казак Олег Геннадьевич

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии
Белорусского государственного экономического университета
(Беларусь, Минск)*

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Резюме

В статье анализируются примеры деструктивной активности отдельных священнослужителей римско-католической церкви БССР периода перестройки. Особый акцент сделан на характеристике полонизаторской деятельности католического духовенства. Источниковую базу статьи составляют документы Национального архива Республики Беларусь.

Ключевые слова: *римско-католическая церковь, католическое духовенство, этноконфессиональные отношения, полонизация.*

Католическая церковь в период перестройки стала одним из главных факторов дестабилизации межнациональных отношений в Советской Беларуси. В докладной записке Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по БССР А. Жильского, адресованной Совету Министров БССР (8 февраля 1991 г.), назывались структуры, которые были причастны к данной ситуации: «Сложность состоит в том, что эта церковь (католическая – О.К.), ее клир оказались под влиянием трех организационных сил: Ватикана, польского католического епископата и местного польского культурно-просветительского общества им. А. Мицкевича, центр

которого находится в г. Гродно (на базе последней из названных организаций в 1990 г. был создан «Союз поляков Беларуси»– О.К.). Последнее не столько культурное общество, сколько политизированная организация, претендующая на руководство всем польскоязычным населением Белоруссии. Для достижения этой цели главной опорой избрана римско-католическая церковь. И теперь где бы ни возникал какой-либо спорный вопрос, связанный с католиками, там появляются представители этой организации! За несколько месяцев до этого схожую по тональности информацию о деятельности общества им. А. Мицкевича представил Уполномоченный Совета по Гродненской области М. Кантарович в докладной записке на имя А. Жильского: «В области наблюдается сращивание костела и польского культурно-просветительского общества им. А. Мицкевича. Ощущается координация их действий, обоюдная поддержка и обмен информацией. Видя в костеле базу для пропаганды и внедрения своих идей, члены общества регулярно проводят встречи с ксендзами, активистами религиозных обществ, верующими, нередко разжигают польский национализм и клерикализм, стремятся получить идеологическую и финансовую поддержку костелов для своих мероприятий»². Старший инспектор Совета по делам религий А. Козик в своем отчете о посещении г. Волковыск (Гродненская область) в 1989 г. отмечал: «Во многих райцентрах и городах Гродненской области (Лида, Новогрудок, Волковыск) действуют отделения культурно-просветительского общества им. А. Мицкевича при областном отделении республиканского Фонда культуры, в их состав входят ксендзы. О характеристике их деятельности говорит такой факт: от большой группы католиков, пришедших в Волковысский горисполком, в кабинете Безносика Т.И. (заместитель председателя горисполкома – О.К.) раздавались угрозы: “Мы еще вам, белорусам, покажем”»³.

С конца 1980-х гг. Ватикан явочным порядком, в нарушение советского законодательства и норм международного права начинает восстанавливать структуры католической церкви в БССР. В частности, в это время были созданы Минско-Могилевская, Гродненская и Пинская епархии. Пинскую епархию возглавил К. Свёнтек, который не скрывал своих пропольских взглядов. А. Жильский

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 10. Д. 2621. Л. 23.

² НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 109. Л. 53.

³ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 104. Л. 44.

в докладной записке на имя Председателя Совета Министров БССР В. Кебича (17 мая 1991 г.) отмечал: «Свѣнтека мы знаем: он 1914 года рождения, настроен пропольски и, по его собственным признаниям, сделает все, от него зависящее, чтобы каждый верующий, обратившийся к его услугам, считал себя поляком, то есть он откровенно проводит линию на полонизацию белорусского населения».

Т. Кондрусевич, назначенный Ватиканом в 1989 г. апостольским администратором Минской епархии, вел себя более осторожно, однако также разделял приверженность польской национально-культурной ориентации, свойственную большинству представителей католического клира. Уполномоченный Совета по делам религий по БССР А. Жильский в упомянутой докладной записке от 8 февраля 1991 г. отмечал: «Епископ Кондрусевич Т.И. ведет себя скрытно, на словах говорит одно, а на деле поступает иначе. В присутствии папского нунция Ф. Колосуонно 28 мая 1990 г. Т. Кондрусевич заверил нас, что духовная семинария [в г. Гродно – О.К.] будет белорусской, что без его ведома ни один польский ксендз не будет служить в костелах Белоруссии, что Минская католическая епархия будет независимой от польского епископата и напрямую подчиняться Ватикану. На деле ничего подобного нет. В семинарии все преподавание и делопроизводство ведутся на польском языке. Без польского епископата Т. Кондрусевич и шага не ступит. В истекшем году в г. Гродно побывало семь епископов из Польши, сам он также неоднократно выезжал в Польшу. Линия его поведения – пропольская, хотя он и пытается это отрицать»⁴.

В период перестройки резко возросло количество католических приходов. К маю 1991 г. в БССР насчитывалось 222 прихода, за три года до этого их было в два раза меньше. Подготовка католических священнослужителей для белорусских приходов велась в духовных семинариях в г. Риге и г. Каунасе, в 1990 г. была открыта семинария в г. Гродно. 30 мая 1991 г. А. Жильский направил в Верховный Совет БССР, Совет Министров БССР и в ряд иных инстанций разъяснение по вопросу, поднятому на четвертой сессии Верховного Совета (недостаточное количество католических священнослужителей, в частности, в Сморгонском и Вороновском районах Гродненской области). Чиновник отметил, что согласно решению Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 9 января 1990 г. для временной службы из Польши были приглашены

⁴ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2621. Л. 23.

50 священников, впоследствии эта «квота» была увеличена на три человека. Ксендзы из Польши составляли почти половину (53 из 107) католических священнослужителей в БССР. Линия поведения духовенства из Польши получила резко негативную оценку А. Жильского: «Некоторые из них (католических священников из Польши – О.К.) допускают серьезные нарушения существующего законодательства, вмешиваются в политическую жизнь, ведут широкую миссионерскую деятельность»⁵. Уполномоченный справедливо отметил, что проблема нехватки священнослужителей не была уникальной. Во многих западных странах, например, в Канаде, ее решали путем внедрения программ ускоренного обучения будущих священнослужителей, расширения сети учебных заведений, обеспечивающих их подготовку: «И только католическая церковь [в БССР – О.К.] настойчиво требует приглашения польских ксендзов, идет на различные ухищрения, в частности, на рассылку частных приглашений ксендзам. В то же время направлением верующей молодежи в Гродненскую духовную семинарию большинство общин не занимается. ... При таком подходе к решению вопроса он превратится в хронический. Может быть, это кого-то и устраивает»⁶.

Многие католические священнослужители, прибывшие в БССР из Польши, оперативно включились в полонизаторскую деятельность. В докладной записке, направленной Уполномоченным Совета по делам религий А. Жильским в Совет Министров и Верховный Совет 3 декабря 1991 г., содержались сведения о таких служителях культа: «Такие “представители Папы Римского” нередко вмешиваются в политическую жизнь республики, навязывают населению мысль о “польских землях на востоке”, формируют соответствующие настроения, проводят идею консолидации вокруг католических групп и костела как единственных выразителей польского меньшинства. Так, польские ксендзы Станишевский Л.П. (г.п. Россь, д. Гнезно Волковысского района), Бартошек С.Ф. (д. Гольшаны Ошмянского района), Казак Я.А. (д. Макаровцы Берестовицкого района) в проповедях и частных разговорах с верующими давали понять, что Западная Беларусь – это польская территория и она рано или поздно отойдет к Польше. Казак Я.А. 24 февраля 1991 г. в проповеди призывал верующих не участвовать в общесоюзном референдуме по вопросу сохранения Союза,

⁵ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2621. Л. 48.

⁶ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2621. Л. 48.

говорил о том, что поляки не должны участвовать в выборах Советов, потому что тут территория не советская. Этой проповедью ксендза были возмущены православные верующие в д. Макаровцы. Идеологов польского национализма не заботит то обстоятельство, что подобные публичные и нелояльные действия могут привести к межнациональным конфликтам. Местные Советы, народные депутаты, органы внутренних дел, в компетенцию которых входит контроль за исполнением законодательства, нередко не дают принципиальной оценки противозаконным действиям польских ксендзов, а иногда становятся на их защиту»⁷. В 1991 г. фиксировались случаи, когда католические священнослужители вывешивали на костелах флаги Польши. Подобный эпизод, в частности, имел место в д. Адамовичи Гродненского района. При этом ксендз А. Шемет, вывесивший польский флаг, был местным уроженцем⁸.

В документе приводились и иные факты, свидетельствовавшие о том, что польские священнослужители подогревали радикальные настроения среди своей паствы. Прежде всего это выражалось в призывах к самовольному захвату бывших католических культовых зданий, которые пустовали или использовались для хозяйственных либо культурных нужд. Приведем один из красноречивых примеров: «Польский ксендз Вуйтэк К.Ф. в г. Щучине призвал верующих блокировать взлетно-посадочную полосу аэродрома в случае отказа властей от передачи верующим здания бывшего монастыря. Теперь он пытается часть монастырских помещений использовать для организации курсов по изучению компьютерной информатики, что не входит в священнические и духовные функции»⁹.

Некоторые католические священнослужители провоцировали враждебные отношения между католиками и православными на бытовом уровне. Упомянутый А. Тозик в отчете о посещении г. Волковыска в 1989 г. информировал Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по БССР: «Ксендз Терешко А.С. в Волковысском костеле запретил ходить в церковь на отпевание своих православных родственников. Такой же запрет издал ксендз Лунненского прихода Радомский А.А. Эти ксендзы запрещают своим верующим вступать в смешанные браки»¹⁰.

⁷ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2621. Л. 177–178.

⁸ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. Л. 95–96.

⁹ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2621. Л. 177.

¹⁰ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 104. Л. 45.

Попытки местных властей воспрепятствовать провокационной деятельности католических священнослужителей часто наталкивались на сопротивление экзальтированных верующих. Например, в г. Щучине в декабре 1989 г. у здания райисполкома собрались около 400 католиков, требующих разрешить упомянутому польскому ксендзу К. Вуйтэку служить в костеле. В разговоре с председателем Щучинского райисполкома Т. Демьянковым они заявили: «При Сталине вы угнетали поляков и теперь преследуете нас. Вы довели костел до такого состояния, что в нем некому служить»¹¹. Власти района разрешили скандальному ксендзу продолжить службу¹².

Одним из инструментов «мягкой силы» костела являлось распределение иностранной гуманитарной помощи. В условиях социально-экономических трудностей подобная деятельность способствовала росту авторитета и популярности римско-католической церкви в глазах рядовых верующих. Уполномоченный Совета по делам религий по Гродненской области М. Канторович в докладной записке на имя А. Жильского (18 декабря 1990 г.) сообщил, что костел Святой Бригитты г. Гданьска (Польша) предоставил в распоряжение Т. Кондрусевича 18 тонн груза с продовольствием, медикаментами, детским питанием, одеждой. Обязательным условием было распределение помощи исключительно через костельные структуры¹³.

Не меньший прозелитический потенциал имели образовательные курсы при университетах Польши (университеты в Варшаве, Кракове, Торунь, Белостоке), на которые приглашались жители СССР польской национальности. Более трети всех слушателей трехнедельных курсов, которые проводились летом 1990 г. в польских университетах, являлись жителями Советской Беларуси. А. Жильский в записке в Верховный Совет БССР отмечал: «Программа курсов, лекции, встречи, экскурсии, – все было рассчитано на возбуждение польского патриотизма. Лекции ксендзов о католичестве были проникнуты идеями неразрывного единства польской национальности и католической веры, переполнены призывами

¹¹ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286. Л. 110.

¹² НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286. Л. 163.

¹³ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 109. Л. 52.

честно и преданно служить на “восточных землях” матери-Польше и польскому костелу»¹⁴.

Большинство аналитических записок Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по БССР завершалось рекомендациями, согласно которым властям следовало ограничить наплыв ксендзов из соседней Польши и содействовать подготовке священнослужителей из числа местных жителей. Более радикальные оценки содержатся в аналитической записке, составленной доктором юридических наук, профессором И. Юхо и адресованной секретарю ЦК КПБ В. Печенникову: (3 апреля 1990 г.): «В настоящее время польские шовинистические деятели “Солидарности” и католического духовенства снова начали распространять свою пропаганду с целью ополячивания белорусского народа под предлогом свободы католического вероисповедания»¹⁵. Для решения данной проблемы ученый предложил следующий комплекс мер: «1. Чтобы Белорусский католический епископат был подчинен непосредственно Папе Римскому и Римской курии. 2. Открыть Белорусскую католическую семинарию в г. Минске. 3. Преподавателями семинарии могут быть назначены только белорусы, не поляки (в крайнем случае для начала пригласить несколько иностранных преподавателей из Словакии или Чехии, но не из Польши). 4. Следует разъяснить всему католическому духовенству, что Закон Белорусской ССР “О языках в Белорусской ССР”, принятый Верховным Советом Белорусской ССР 26 января 1990 г., является обязательным и для католического духовенства. Служба должна быть постепенно переведена на белорусский язык. 5. Официальное наименование церкви: “Белорусская католическая церковь”. Ксендзами в костелах могут быть граждане только Белорусской ССР»¹⁶. Планы И. Юхо, однако, значительно расходились с реалиями того времени.

Для чиновников Совета по делам религий в период перестройки стало очевидно, что католическая церковь выступает одним из главных проводников польской национальной идеи на белорусских землях. Известный белорусский историк Э. Ярмусик трактует костел как один из основных факторов сохранения и передачи «польскости» в Беларуси: «Принадлежность к Костелу

¹⁴ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. Л. 93.

¹⁵ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286. Л. 159.

¹⁶ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286. Л. 161–162.

рассматривается как один из важнейших показателей польской национальной самоидентификации, особенно в ситуации, когда другие элементы (например, язык как коммуникативная реальность) перестают действовать. Польскоязычная литургия Католического Костела на Беларуси, в частности, в приграничных с Польшей областях, долгое время оставалась главным, если не единственным источником приобщения к польскому языку. Это послужило его наделению (особенно для тех поляков, которые открыли для себя польский язык “при ксендзе”) сакральным контекстом. Этим фактом можно объяснить непринятие старшим поколением перевода литургической службы на белорусский язык»¹⁷.

Особую настороженность у советских чиновников вызывали ксендзы, прибывшие для службы из Польши (к концу существования СССР они составляли почти половину всех католических священнослужителей республики). С 1989 г. в документах фонда Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Белорусской ССР фиксируются материалы (аналитические записки, письма и др.), авторы которых с явной симпатией характеризовали деятельность католических священников, выступавших против традиционного стереотипа «католик – значит поляк». Например, в справке о состоянии контроля за соблюдением религиозных культов в Мядельском районе Минской области, составленной старшим инспектором Совета А. Козиком в 1989 г., описывались особенности ведения документов (книги религиозных обрядов) ксендзом В. Гринкевичем: «В графе “вероисповедание” записано у всех, естественно, католик, а в графе “национальность” – белорус. Белорус, а не поляк, как считают многие ксендзы. Он (В. Гринкевич – О.К..) просил оказать ему помощь в получении катехизисов на белорусском языке в неограниченном количестве»¹⁸.

Языковой вопрос стал основным смысловым сюжетом справки о результатах изучения деятельности римско-католической церкви в Воложинском районе Минской области, составленной старшим инспектором Совета по делам религий В. Берняковичем 14 февраля 1990 г. В документе приводились пространные цитаты из высказываний католических священнослужителей, отрицательно относившихся к роли костела как цитадели польского языкового

¹⁷ Ярмусик Э. Этноконфессиональные процессы на белорусско-польском пограничье (Гродненская область и Подляшеское воеводство): исторический аспект // CivitasetLex. 2017. № 1. С. 90–91.

¹⁸ Ф. 136. Оп. 1. Д. 104. Л. 89.

и культурного влияния. Однако далеко не все рядовые прихожане разделяли озабоченность своих пасторов. Настоятель костела деревни Раков Г. Околотович отмечал: «Религия должна примирять людей, а не разъединять их. В Белоруссии государственным языком признан белорусский, как в Польше – польский, и как в других странах. И это правильно. Но что же получится, если в костелах Белоруссии будет по-прежнему звучать лишь польская речь, хотя этого и желает большинство верующих. Если же оставить все по-прежнему, то это явится не уважением, а противопоставлением к другим национальностям. А отсюда один шаг к вражде. Сегодня в костеле должны звучать наряду с польской и белорусская, и русская речь. Костел также должен внести свой вклад в возрождение белорусского языка. Но делать это надо разумно, не впадая в крайности, как, например, ксендз Чернявский»¹⁹.

Далее автор документа характеризовал деятельность упомянутого ксендза В. Чернявского, служившего в костеле деревни Вишнево с 1953 г. Из материалов следует, что пропаганда священнослужителем белорусского языка встречала жесткое сопротивление верующих: «Он (ksenдз В. Чернявский – О.К.) ярый противник полонизации и активно пропагандирует белорусский язык и белорусскую культуру, что вызывает определенное недовольство верующих. Так, председатель исполкома этого религиозного общества Дулеп Ф.К. в беседе со мной сказал: “Ксендз Чернявский насаждает в костеле белорусский язык. Но люди не хотят этого. Они хотят восстановить свои традиции. Польский язык – это язык высокой культуры. А белорусский язык, на котором эти люди говорят, – это язык забитой деревни”»²⁰.

Автор записки В. Бернякович представил содержание своей беседы с ксендзом В. Чернявским. Опытный католический священнослужитель приводил многочисленные примеры, свидетельствовавшие о полонизаторской деятельности ксендзов на первичном бытовом уровне: «Польские ксендзы поставлены над белорусским народом. Многие из них заставляют молиться по-польски. Иначе не окрестят ребенка, не примут к исповеди, не дадут венчания. Польские ксендзы злуют (злятся – *авт.*), когда верующие не умеют говорить на польском языке – в Солах, в Островце да и почти во всех приходах Белоруссии. Был случай, когда молодая умела патери

¹⁹ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 108. Л. 49.

²⁰ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 108. Л. 51–52.

(умела молиться – *авт.*) по-белорусски, ксендз сказал: “Я таких патер не признаю, покуда не научишься по-польски, венчания не дам”». Будучи убежденным сторонником использования белорусского языка в костеле, ксендз В. Чернявский негативно оценивал политизацию этноконфессионального вопроса и не поддерживал других католических священников, принимавших участие в деятельности недавно созданного «Белорусского народного фронта»²¹.

Во многих других местностях Беларуси верующие также выступали за сохранение польского языка в костеле. Так, во время Рождественской службы (1990 г.) в костеле Бреста прибывший из Польши ксендз З. Короляк зачитал на польском языке послание епископа Т. Кондрусевича к молодежи, предварительно сообщив, что послание написано на польском и белорусском языках, и предложив детям решить, на каком из этих языков озвучить текст документа. Дети хором ответили: «На польском». В беседе со старшим инспектором Совета по делам религий В. Берняковичем ксендз З. Короляк заявил: «Обстановка в Советском Союзе сложная. И непонимание национальных и языковых проблем может повлечь нежелательные результаты. Поэтому я стараюсь убедить всех верующих в том, что они прежде всего христиане, а затем уже поляки, белорусы, русские. Да и научить детей христианскому учению лучше всего на родном языке. Однако родители оказывают на меня давление, чтобы я учил детей по-польски, не по-русски»²². Показательно, что прибывший из Польши священнослужитель считал родным языком молодежи областного центра (г. Бреста) русский язык.

Чиновники Совета по делам религий вели разъяснительную работу с ксендзами, приезжавшими из Польши, по поводу желательности быстрого освоения последними белорусского языка. В отдельных случаях такая работа имела успех, который, впрочем, нивелировался сопротивлением прихожан. Уполномоченный Советам по делам религий по Минской области М. Мелешкевич в докладной записке на имя Уполномоченного Совета по делам религий при Кабинете Министров СССР по БССР А. Жильского отмечал: «Ксендз Леманский В.Ю. уже каждую пятницу в Свирском костеле ведет службу и произносит проповеди на белорусском языке, что не всем католикам нравится, особенно пожилым верующим. Это и вызвало обращение в Свирский поселковый Совет с жалобой на

²¹ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 108. Л. 52.

²² НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 109. Л. 57.

ксендза, который якобы вмешивается в национальный вопрос, и требование, чтобы служба велась только на польском языке. Этот факт подтвердился в беседе с казначеем религиозного общества Копич Я.А., которая также высказывает просьбу отменить проведение богослужений на белорусском языке. Верующим разъяснено, что молодежь польский язык не знает и не понимает содержания богослужения и проповеди»²³.

Однако далеко не все католические священнослужители, прибывшие из Польши, столь благосклонно относились к идее использования белорусского и русского языков в костелах. 3 января 1991 г. Уполномоченный по делам религий при Кабинете Министров СССР по БССР А. Жильский направил докладную записку на имя Министра иностранных дел БССР П. Кравченко (копия адресовалась Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР), в которой была дана характеристика деятельности ксендза Я. Скенчека. Указанный священнослужитель, прибывший в начале 1990 г. по частному приглашению в Гродненскую область из Польши, почти год «гастролировал» по городам Беларуси. Прихожане Полоцка так отзывались о Я. Скенчеке: «Он препятствует ксендзу, уроженцу здешних мест, обслуживать полоцкий приход на русском языке, а сам проводит богослужения на польском, который верующие не знают». А. Жильский просил П. Кравченко поставить перед Генеральным консулом Республики Польша в Минске вопрос о возвращении Я. Скенчека на родину²⁴.

Сравнение языковой ситуации в костелах различных областей БССР дает основание предполагать, что при назначении прибывших из Польши священнослужителей в конкретный приход использовался дифференцированный подход: в западные регионы БССР направлялись ксендзы с отчетливой радикальной полонизаторской позицией, в центральные и восточные – менее одиозные представители духовенства. Так, согласно докладной записке члена Совета по делам религий В. Берняковича (29 ноября 1991 г.), обучение в воскресных школах костелов Минской области велось на русском и белорусском языке, в отдельных случаях ксендзы вели записи «на польском, используя русский алфавит»²⁵. Ситуацию в Брестской области чиновник характеризовал следующим образом:

²³ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. Л. 90.

²⁴ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

²⁵ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 112. Л. 28.

«В сравнении с Минской областью здесь более отчетливо проявляется ориентация ксендзов и местного населения на польскость. В воскресных школах много внимания уделяется польскому языку. Кроме того, в ряде общеобразовательных школ открыты факультативы по изучению польского языка. Ксендзы утверждают, что, мол, само население желает этого»²⁶. Еще более тревожной была ситуация в Гродненской области. В справке о католической церкви в Гродненской области, составленной 4 декабря 1991 г. членом Совета по делам религий Т. Купчелей, отмечалось: «Деятельность и поведение польских ксендзов свидетельствует о том, что направлены они в Беларусь не просто для удовлетворения религиозных потребностей верующих, а главным образом для миссионерства, воспитания молодежи в духе католицизма и польскости, привития людям католического консерватизма и ортодоксальности, реанимации польского национализма. Достаточно сказать, что они требовали от верующих добиться от своих детей школьного возраста обязательного посещения кружков по изучению катехизиса. Такие кружки действуют почти во всех приходах, обслуживаемых польскими ксендзами, хотя ни одно религиозное общество еще не зарегистрировало своего устава, а, следовательно, не вправе создавать группы или кружки по изучению религии. В кружках изучается малый катехизис под названием “Приди, Иисусе”, изданный в 1989 г. в Варшаве специально для нашей молодежи на польском и русском языках, однако духовные песни – только на польском языке»²⁷.

Языковой аспект функционирования католической церкви в Беларуси затрагивался во время консультаций между представителями СССР и Ватикана в апреле 1991 г. С советской стороны в мероприятии принимали участие начальник Первого Европейского управления МИД СССР А. Глухов, представитель СССР в Ватикане Ю. Карлов, помощник Министра иностранных дел БССР В. Счастный, первый секретарь отдела двухсторонних связей МИД УССР А. Веселовский, со стороны Ватикана – заместитель главы внешнеполитического ведомства К. Челли, папский нунций в СССР Ф. Колосуонно, заведующий отделом СССР и Восточной Европы А. Франко, сотрудник отдела СССР С. Шловенец (сообщил советской делегации, что является белорусом по национальности). Во время аудиенции у Папы Римского Иоанна Павла II В. Счастный

²⁶ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 112. Л. 30.

²⁷ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 112. Л. 34.

презентовал понтифику факсимильное издание трех книг Библии Ф. Скорины. Советский чиновник произнес свою речь на белорусском языке, которую поляк Иоанн Павел II прекрасно понял. Папа Римский через К. Челли передал советской стороне, что не возражает против использования белорусского языка в богослужении, но этот вопрос должен решаться на уровне епископа. В отчете о мероприятии, составленном В. Счастливым, сообщалось: «Вопросам, связанным с внедрением белорусского языка в католическую церковную службу, уделялось большое внимание и в кулуарной работе. С учетом усиления насаждения католическими священниками идей неразрывного единства польской национальности и католической веры в беседах с представителями ватиканской стороны всех уровней представителем БССР были высказаны предложения оказать содействие в подготовке священнослужителей из местного населения, укрепить материальную базу Гродненской духовной семинарии и активно внедрить в процесс обучения белорусский язык»²⁸. Были затронуты вопросы перевода духовной литературы на белорусский и русский языки, назначения в приходы Беларуси священников из других стран (не из Польши). По информации В. Счастливого, «было заявлено, что Ватикан прекрасно осознает, что римско-католическая церковь в Беларуси не является польской, и любые попытки доказывать обратное получают в Ватикане отрицательную оценку»²⁹. Однако декларируемая позиция Ватикана не привела к быстрому изменению ситуации в конкретных приходах Беларуси.

Таким образом, католические священнослужители, в массовом порядке прибывавшие из Польши в БССР в период поздней перестройки, были причастны к политизации этноконфессионального вопроса. Произошла очередная актуализация традиционного и частично нивелированного в советский период стереотипа «католик – значит поляк». Это привело к новому витку социальной напряженности и затруднило процесс консолидации белорусской гражданской нации. Сотрудники Совета по делам религий в период перестройки пытались доступными им способами снизить ассимиляционный потенциал католического костела в БССР.

Однако осторожная поддержка советскими чиновниками священнослужителей, симпатизировавших идеям использования

²⁸ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. Л. 123–125.

²⁹ НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. Л. 126.

белорусского и русского языков в богослужении, как правило, не имела успеха. Прочная ассоциативная связь между костелом и польской культурой закрепились в сознании многих поколений католиков, кардинально трансформировать их ментальность за короткий промежуток времени не представлялось возможным.

Литература

1. НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286.
2. НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2621.
3. НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 104.
4. НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 108.
5. НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 109.
6. НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 111.
7. НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 112.
8. *Ярмусик Э.* Этноконфессиональные процессы на белорусско-польском пограничье (Гродненская область и Подляшеское воеводство): исторический аспект // *Civitas et Lex.* 2017. № 1. С. 83–100.